

Смех
на Все
случаи
ЖИЗНИ

*Американская
комическая
проза
XVIII–XX веков*

*Составление,
перевод,
вступительная
статья,
комментарии
Александра
Ливерганта*

Смех на все случаи жизни

«WebKniga»

2020

Смех на все случаи жизни / «WebKniga», 2020

ISBN 978-5-9691-1925-3

В книге представлены наиболее известные авторы и произведения американской литературы смеха за последние 300 лет, от Бенджамина Франклина до юмористов и сатириков конца XX века. А также всё многообразие юмористических жанров: юмористические и сатирические рассказы, очерки, эссе, пародии, стилизации, театральные бурлески, афоризмы и т. д.

ISBN 978-5-9691-1925-3

, 2020

© WebKniga, 2020

Содержание

Слоны и сокровища или воскресная школа?	6
Бенджамин Франклин	9
Колдуны в Маунт-Холли	9
Альманах Бедняка Ричарда	11
Мисс Джорджиане Шипли по случаю безвременной кончины ее американской белки, каковая, сбежав из клетки, была съедена пастушьей собакой	30
Диалог между Франклином и его Подагрой	32
Марк Твен. Афоризмы	36
Фрэнсис Брет Гарт. Том-а-Гавк	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43
Комментарии	

Смех на все случаи жизни
Американская комическая
проза XVIII–XX веков
Составление, перевод, вступительная
статья, комментарии
Александра Ливерганта

© А. Я. Ливергант, составление, перевод, вступительная статья, комментарии, 2020

© «Время», 2020

* * *

Слоны и сокровища или воскресная школа?

В свое время Оскар Уайльд глубокомысленно заметил: «У нас с американцами все общее, кроме языка». Парадоксальное это высказывание, как почти всякий афоризм, в котором истина, чтобы стать очевидной, переворачивается с ног на голову, следует конечно же читать «задом наперед». У нас с американцами, хотел в переводе с афористического языка на обычный сказать Уайльд, общее – язык, все остальное – разное.

Разный, более того – прямо противоположный у англичан с американцами и юмор, искусство шутить. «Фамильная черта» английского характера, а значит, и юмора – understatement, недоговоренность, сдержанность, подтекст. Принципиальная особенность юмора американского, напротив, – overstatement, несдержанность, избыточность, страсть к фантазии, вымыслу.

Американский писатель – новеллист, журналист, пародист – предпочитает правдивой истории (tale) небылицу, выдумку (tall tale), нарочитое преувеличение. И в этом смысле Эдгар По, отдавший в своей новеллистике дань не только трагическому, но и комическому, мало чем отличается, скажем, от «черных юмористов» конца XX века Джеймса Патрика Донливи или Дональда Бартельма. «Допущения» По, в одной из новелл которого рассказчику – материалисту и прагматику является Ангел Необъяснимого «с телом, напоминавшим винную бочку», ничуть не менее фантазмагоричны, чем, скажем, фантазии Донливи: герой «Долготы и широты», этот новоявленный Робинзон, отправляется на моторке на купленный им в океане остров, однако «почему-то» его не находит. Или у Бартельма в рассказе «Олух» Эдгар тщится сдать «Общенациональный экзамен для писателей, который продолжается пять часов пятьдесят минут», а его сын-неудачник носит плед, «связанный из двухсот транзисторов, все они работали, и каждый был настроен на свою волну...» Писатель-юморист 30-х годов XX века Фрэнк Салливен отдавший дань черному юмору, задолго до появления в литературе этого термина («...не рекомендуется готовить миссионера, не заправив его луком-пореем... как известно, миссионер “не идет” без шерри») недалеко ушел от Марка Твена (вспомним хотя бы его гротески вроде «Журналистики в Теннесси» или «Белого слона»), или от поистине безудержного воображения своих современников Роберта Бенчли и Дороти Паркер, самых, пожалуй, талантливых «алгонквинцев», неформального объединения писателей, издателей, журналистов, которые в начале 20-х годов прошлого века собирались в нью-йоркском ресторане «Алгонквин» и писали для тогда еще совсем нового журнала «Нью-Йоркер», ставшего со временем ведущим органом американской юмористики, аналогом британского «Панча». «Нью-Йоркерцам» Бенчли и Терберу, Паркеру и Саллиvenu, как и американским юмористам в целом, свойственны бурлеск, реализация метафоры, гротесковое снижение, в результате которого возникает забавное несоответствие между темой и ее языковым воплощением.

Проникает «небывальщина» и в афористику: пародийная энциклопедия «Псевдо-Вебстер», написанная в точном соответствии с выведенным М. Твеном определением афоризма – «минимум слов, максимум смысла» – одним из самых ядовитых американских сатириков Генри Луисом Менкеном, создателем отталкивающей литературной особи *Woobus Americanus*, продолжает традиции «Словаря Сатаны» и фантастических басен Амброза Бирса, в которых горькие и язвительные размышления о непреходящих американских и общечеловеческих недостатках сочетаются с проявлениями самой безудержной фантазии: «Лидер одной политической партии прогуливался как-то по солнышку и вдруг увидел, что сопутствующая ему Тень оторвалась от него и быстро зашагала прочь...»

Характерна «небылица» и для американского романа – взять хотя бы «Поправку-22» Джозефа Хеллера, где военные снабженцы вступают в коммерческие сделки с противником, военно-полевой суд выносит приговор армейскому капеллану, не зная в чем его вина, а заведующий армейской столовой является «по совместительству»... мэром Палермо. И для сати-

рико-юмористического жанра журнальной или газетной колонки, которую в довоенные годы ведут такие выдающиеся выдумщики, как Кристофер Морли («Ивнинг сан»), Франклин Пирс Адамс («Трибьюн»), Дон Маркиз («Сан», «Геральд трибьюн») и конечно же комик, журналист и цирковой артист в одном лице Уилл Роджерс, высмеявший в «Безграмотном дайджесте» журналистские опусы 20–40-х годов. И даже для жанра реалистической новеллы О. Генри, если, конечно, новеллу О. Генри можно назвать реалистической. О. Генри и «вышедший из его шинели» Ринг Ларднер отличались исключительным чутьем на парадоксальное в обыденном; непредсказуемые концовки их рассказов – свидетельство того, что может произойти по прихоти судьбы (или изобретательного автора) с рядовым американцем, которому нет равных в таких естественных человеческих потребностях, как преуспеть, прихвастнуть и приврать.

Вот и возникает еще один глобальный американский парадокс: нация, склонная в жизни к прагматизму и здоровому практицизму («Почему ты такой бедный, если ты такой умный?»), в литературе, комической во всяком случае, напротив, то и дело «привирает», подменяет правду жизни вымыслом – лишнее свидетельство того, что литература и жизнь вещи разные, нередко прямо противоположные.

О том, как соотносятся правда и вымысел, американская действительность и американская литература, убедительнее всего сказано в книге, по праву считающейся энциклопедией американской жизни: «Том сказал нам, что получил от своих лазутчиков тайное сообщение, будто завтра около пещеры остановится целый караван богатых арабов и испанских купцов с двумя сотнями слонов, шестью сотнями верблюдов и тысячей вьючных мулов, нагруженных алмазами... Как только дали сигнал, мы выскочили из кустов и скатились с горы. Но никаких испанцев и арабов там не было; верблюдов и слонов тоже. Оказалось, что это всего-навсего экскурсия воскресной школы, да и то один первый класс...» (перевод Н. Дарузес).

Вы, конечно, догадались, о какой книге идет речь. Том Сойер, подобно хитроумному идалго за три века до него, считает, что это чародеи превратили солдат, слонов и сокровища в воскресную школу, а скептик Гек Финн – что никаких сокровищ и слонов и в помине не было. Так вот, в американской литературе смеха Том Сойер – в чем вы убедитесь, когда прочтете эту книгу, – берет, вопреки всем завоеваниям реалистического искусства, над своим другом верх. Не будем, правда, забывать, что и Том Сойер (в отличие от Дон Кихота) не особенно верил в собственные выдумки...

Когда-то классик марксизма заметил, что человечество с улыбкой расстается со своим прошлым. Американские юмористы (на то они и юмористы) переосмысливают, переиначивают, вышучивают то, что еще недавно было аксиомой, считалось неопровержимым здравым смыслом. «Нежелание учиться хуже невежества», читаем мы в «Альманахе Бедняка Ричарда», этом веселом, афористически заостренном, на самом же деле глубоко серьезном, выстраданном кодексе протестантской этики, написанном в XVIII веке одним из «отцов-основателей» Бенджамином Франклином, на что, спустя сто с лишним лет, М. Твен откликается мыслью прямо противоположной: «В этой жизни необходимы невежество и самоуверенность, и успех вам обеспечен». «Плохой друг сродни тени, он появляется, только когда светит солнце», – учит Франклин. «Как следует подумай, прежде чем заговорить с другом, попавшим в беду», – вносит свою ироническую коррективу в дружеские отношения Амброз Бирс. «Отрежь крылья курам и надеждам, чтобы и те и другие попусту не хлопотали», – некогда советовал Франклин, на что через двести пятьдесят лет отзывается кумир и читателей и кинозрителей (в том числе и российских) Вуди Аллен, назвавший свой сборник бурлесков, пародий, комических очерков «Ощипанная надежда». Начинается «Ощипанная надежда» со слов: «Судьбе было угодно окрылить моего племянника, и теперь я вынужден водить его по психиатрам». В «Альманахе Бедняка Ричарда» Франклин учит своих соотечественников простым, важным и довольно трудно достижимым вещам (чтобы в этом убедиться, перечитайте М. Твена, О. Генри и Бирса) – много работать, не лгать, в срок отдавать долги, не ждать от жизни мно-

гого, поменьше молиться и побольше соблюдать заповеди, помнить, что «тщеславие цветет, но не плодоносит» и что «смерть взяток не берет». В бурлесках, которыми эта книга кончается, В. Аллен конечно же никого ничему не учит – назидательный, «правильный» юмор остался в позапрошлом веке. В соответствии с постмодернистским каноном, писатель комически самоутверждается за счет того, что вышучивает. Мишенью его «разнузданной» даже по американским меркам фантазии становится не жизнь, как, скажем, у Ирвина Кобба или Ленгстона Хьюза, а литература, литературный прием, который гиперболизируется и тем самым доводится до абсурда, как это, впрочем, делали еще за полвека до В. Аллена и Роберт Бенчли, и Фрэнк Салливен, и самый, пожалуй, талантливый из плеяды «ньюйоркерцев», пока еще мало известный у нас Джеймс Тербер.

Джеймс Тербер, кстати сказать, тоже с улыбкой расстался со своим литературным прошлым. И тоже «за счет» Франклина. Эволюция американской литературы (быть может, не только литературы смеха и не только американской) за без малого триста лет пролегает, собственно, между двумя, на первый взгляд одинаковыми, популярными шуточными двестишишиями. Первое (дидактическое) принадлежит тому же Б. Франклину, второе – шутливое, даже ерническое – Дж. Терберу:

Франклин:

Early to bed and early to rise,
Makes a man healthy, wealthy and wise.¹

Тербер:

Early to rise and early to bed,
Makes a man healthy, wealthy and dead.²

Тербер меняет местами в стишке Франклина всего-то два слова – и переворачивает, скептически переосмысляя, просветительскую этику с ног на голову.

Точно так же, как перевернул с ног на голову трюизм об общем языке у англичан и американцев Оскар Уайльд.

А. Ливергант

¹ Рано в кровать, Рано вставать, Горя и хвори не будете знать.

² Рано вставать, Рано в кровать, Смерти здоровой не миновать.

Бенджамин Франклин

Колдуны в Маунт-Холли

Берлингтон¹¹¹, октября 12 числа

В прошлую субботу в Маунт-Холли, милях в восьми от Берлингтона, собралось около трехсот человек, пожелавших стать свидетелями испытания подозреваемых в колдовстве. Как

нам стало известно, обвиняют этих людей в том, что под воздействием их колдовских чар соседские овцы танцуют в неподобающей манере, свиньи же, к величайшему ужасу и изумлению добропорядочных и мирных подданных короля, говорят человеческим голосом и распевают псалмы. Обвинители божатся, что если на одну чашу весов поставить обвиняемого, а на другую положить Библию, то Библия перевесит, и что если обвиняемых связать и бросить в реку, они будут держаться на воде и не потонут. Обвиняемые же, от всей души стремящиеся доказать свою невиновность, согласились пройти вышеназванные испытания при том, однако, условии, что два самых непримиримых обвинителя пройдут их вместе с ними. Ударили по рукам, договорились о времени и месте и оповестили всех в округе; обвинителей было двое – один мужчина и одна женщина, обвиняемых – столько же. Когда испытуемые явились и собрался народ, было решено начать с взвешивания, после чего отобрали группу мужчин для обыска испытуемых мужчин и группу женщин для обыска испытуемых женщин, дабы выяснить, не прячут ли они в карманах или на себе что-нибудь тяжелое – булавки к примеру. По окончании обыска из дома судьи была извлечена тяжелая, огромных размеров Библия, площадь оцепили, как окружают во время охоты на бекасов болота, а в собравшейся толпе освободили проход, с тем чтобы супруга судьи, а с ней и прочие дамы могли, не смешиваясь с народом, видеть весы, водруженные на помост, воздвигнутый для этой цели прямо против дома судьи. Затем в дверях судейского дома показался предполагаемый колдун, за которым следовал мрачного вида и могучего телосложения мужчина со Священным Писанием на вытянутых руках. (Библию он нес не менее торжественно, чем несет шпагу лорд-мэра^[2] Лондона печатающий перед ним шаг оруженосец.) Первым на весы посадили обвинявшегося в колдовстве, над ним была прочитана глава из Пятикнижия, после чего на другую чашу весов опустили Библию. К величайшему изумлению зрителей, чаша весов с человеком тут же ударилась о помост, с легкостью перевесив Книгу книг. Таким же образом были испытаны и остальные трое, и всякий раз бранные их тела оказывались во много раз тяжелее, чем Моисей, все пророки и апостолы, вместе взятые. Когда же сие испытание подошло к концу, обвинители, а также собравшийся народ, не удовлетворившись достигнутым результатом, постановили продолжать испытание на воде, с каковой целью все вместе чинно направились к пруду, где обвиняемых и обвинителей раздели донага (женщин же оставили в одних нижних рубашках), связали по рукам и ногам и опустили в воду, предварительно обвязав каждого веревкой, другой конец которой держали находившиеся в лодке матросы. Один из обвинителей, человек тщедушный и, по всей вероятности, слабого здоровья, вскоре действительно начал тонуть; остальные же трое с легкостью держались на воде. Стоявший в лодке матрос прыгнул для верности обвиняемому на спину, полагая, что таким образом его потопит, однако связанный безо всякого труда всплыл, причем сделал это раньше прыгнувшего на него матроса. Обвинительница, увидев, что не тонет, пожелала, чтобы ее бросили в воду вновь, однако не пошла на дно и на этот раз, после чего во всеулышание заявила, что сделалась невесомой оттого, что ее заколдовал обвиняемый, и что готова лежать в воде связанной до тех пор, пока дьявол из нее не выйдет. Обвиняемый же, несказанно удивившись, что каким-то образом держится на воде, перестал с прежней горячностью настаивать на своей невиновности и заметил: «Если я колдун – стало быть, я многого про себя не знаю». Наиболее дельные из зрителей пришли к выводу, что всякий связанный по рукам и ногам и брошенный в воду (исключение составляют лишь те, про кого говорят: «кожа да кости») будет держаться на плаву столько, сколько хватит дыхания и пока в легкие не попадет вода. Высказано было, однако, и другое мнение, согласно которому женщинам удалось удержаться на поверхности воды благодаря нижним рубашкам, а также подвязкам, за которые их привязали, в связи с чем решено было дожидаться еще одного погожего дня и провести повторное испытание, причем на этот раз женщин, вслед за мужчинами, раздеть донага.

Альманах Бедняка Ричарда

Бережливость

Избегай мелких трат: из-за ничтожной пробоины тонет огромный корабль.

Бережливому все дешево; моту – все дорого. Экономить и иметь лучше, чем тратить и кряхтеть.

Не присматривать за рабочими – значит отдать им свой кошелек.

Решил потратить пенс – остановись и подумай.

Искусство разбогатеть во многом зависит от бережливости. Заработать способен не каждый, зато стать бережливым по силам любому.

Откладывай сам и жену научи –
Не целый день светят солнца лучи.

Богатство

Если деньги и в самом деле твои, почему не взять их с собой в могилу?

Богатство не у того, кто им владеет, а у того, кто умеет им распорядиться.

Тот, кто полагает, что деньги могут все, способен на все за деньги.

Крыша над головой,
Погреб полон едой,
Да верная жена с тобой –
Нет на свете большего богатства!

Щедрая душа меньше всего думает о деньгах – и больше всего в них нуждается.

Никогда не видал, чтобы философский камень превращал свинец в золото, однако не раз становился свидетелем того, как погоня за ним превращает золото в свинец.

Если хочешь узнать цену деньгам – ступай и возьми в долг.

Богатство и счастье не всегда растут на одной грядке.

Преумножающий богатство преумножает заботы.

От шелка и бархата гаснет домашний очаг.

Бедняку, чтобы набить брюхо мясом, нужны ноги; богатому – брюхо.

Коли добрые дела не способны спасти меня от смерти, пусть хотя бы даруют мне вечную жизнь.

Кто богат? Тот, кто довольствуется малым.

Щедрый человек не тот, кто дает много, но тот, кто делает это с умом.

Мы с деньгами дружны от века:
Мы тратим деньги; деньги – человека.

Брак

До свадьбы смотри в оба. После свадьбы жмурься.

Прежде чем взять жену, обзаведись домом.

Дом без женщины и огня в камине все равно что тело без души.

Нет жены – нет жизни.

Потерял хорошую жену – лишился Божьего дара.

Там, где есть брак без любви, есть и любовь без брака.

Женись на той, кого ты не достоин, – и будешь в доме хозяином.

Тот, кто берет жену издалека, либо обманет ее, либо будет обманут сам.

Величие

Быть почтительным с вышестоящим – твой долг; с равным – любезность; с нижестоящим – великодушие.

Нанести рану врагу – значит поставить себя ниже него; отомстить – значит поставить себя вровень с ним; простить – значит поставить себя выше него.

Человек по-настоящему великий не станет ни наступать ногой на червя, ни пресмыкаться перед монархом.

Великих людей, славе неведомых, ничуть не меньше, чем прославившихся.

Куда сложнее держать в узде себя, чем горячую лошадь.

Тот, кто побеждает сам себя, заслуживает триумфальной колесницы более, чем победивший врагов Рима Цезарь.

Ослепительная красота, великая сила и несметные богатства – ничто в сравнении с великодушным сердцем.

Будь на деле тем, кем хочешь себе казаться.

За великой скромностью всегда скрываются великие заслуги.

Прямодушный пахарь достойнее злокозненного монарха.

Благороднее прощать и презирать, чем мстить за обиду.

Ближайший путь к славе – сделать для своей совести то, что делается для славы.

Дар сострадания душе широкой дан;
Лишен его злокозненный тиран.

Возраст

Все хотят жить долго – но стареть не хочет никто.

Юноша думает, что двадцать шиллингов и двадцать лет не кончатся никогда.

Молодежь дерзит; старость скромничает и во всем сомневается. Так и колос пшеницы:

Молодым он задорен и весел,
А созрел – и головку повесил.

Врач

Тот лучший врач, кто не верит в лекарства.

Бог лечит, врач берет за лечение плату.

Врачу и адвокату говори одну только правду.

Не ходи к врачу из-за любого недомогания, к адвокату – из-за любой ссоры, к колодцу – всякий раз, как захотелось пить.

Время

Ты-то можешь ждать сколько угодно, а вот время ждать не будет.

Время – это та трава, что исцеляет все болезни.

Если хочешь праздной жизни, не трать время попусту.

Коли тебе дорога минута, не трать даром часы.

Глупость

Гнев и глупость идут по жизни рука об руку; раскаяние наступает на пятки обоим.

Тот, кто строит, не посчитав, во что это ему обойдется, ведет себя глупо; тот же, кто посчитал, прежде чем строить, понимает, что посчитал плохо.

Дураку мнится, что он всего лишь невежда.

Гордыня

Гордыня просит подаяния столь же громко, как нужда, – и куда настойчивей.

Отсутствие гордыни не всегда признак униженности.

Гордые ненавидят гордость – в других.

Гордыня обедает тщеславием, а ужинает презрением.

Гордыня приумножается – богатство приуменьшается.

«Что нынче модно? Наряжусь пойду!»
У разума б ему идти на поводу!

Гость

Навещай свою тетку – но не каждый день; приходи к брату – но не всякий вечер.
Рыба и гость начинают смердеть через три дня.

Хочешь избавиться от надоевшего гостя – ссуди его деньгами.

Часами будет гость болтать, и пить, и есть –
И невдомек ему порой, что может надоест!

Дела государственные

Королевская корона головную боль не излечит.

В реках и плохих правительствах на плаву удерживается все самое легковесное.

Добрая воля управляемых умрет с голоду, если не кормить ее добрыми делами правителей.

Дети и монархи скандалят по мелочам.

Тот, кто хочет подняться в обществе, для начала должен научиться ползать.

Безумных королей и диких мустангов не удержать мирными договорами и канатом.

Чернь – монстр: много голов и полное отсутствие мозгов.

Невежество подбивает людей вступать в политическую партию – а стыд их в ней удерживает.

Когда ты не в фаворе, никто тебя не знает; когда в фаворе – не знаешь себя сам.

Служить народу верой и правдой и вместе с тем угождать ему – непрактично.

Верно, один человек может быть хитрей другого – но перехитрить всех людей на свете не дано никому.

Человека можно вознести до небес – но научить его осмотрительности нельзя.

Добродетель

Усевшись поудобней в седле, добродетель отпустила поводья и вскоре свалилась с лошади.

Учение прилежному,
Богатство бережливому,
Власть смелому,
Небеса добродетельному.

Боров обязан быть жирным; человек – добродетельным.

Ты добродетелен? Тогда займай красоту и благородство добродетели.

Будешь добродетелен – станешь счастливее монархов.

Тому, кто сносит все, придется сносить еще больше. Быть счастливым без добродетели невозможно.

Лишился добродетели – лишился свободы. Сия максима верна и в отношении к человеку, и ко всему человечеству.

Не продавай добродетель, дабы приобрести богатство; не продавай свободу, дабы приобрести власть.

Что дороже золота? Брильянт. А брильянта? Добродетель.

Скромность – добродетель; робость – порок.

Покорный нрав не покорен по отношению к самому себе.

Доброта

Самый благородный вопрос на свете: «Что я могу хорошего сделать?»

Втайне уважать доброту хуже всего.

Пусть наших отцов и дедов ценят за их доброту, а нас – за нашу.

Человечество принадлежит тому, кто склонен к доброте.

Прощая плохое, мы поощряем хорошее.

Хочешь сбить с толку врага, будь добр к нему.

Сколько б ни было добра – добро на него не купишь.

Друзья

Нельзя быть другом и льстецом одновременно.

Назвался другом – запомни; назвали другом – забудь.

Не слушай дурного о друге. Не говори дурного о враге.

Брат может не быть другом, но друг будет братом всегда.

Есть три верных друга: старая жена, старая собака и деньги в кармане.

Возлюби соседа своего – но изгородь не сноси.

Не торопись, выбирая друга, тем более – меня друзей.

Будь другом одному, врагом – никому.

Секретничать с глупым другом все равно что лечь в постель с бритвой.

Дай в долг врагу – и ты завоеешь его сердце; дай в долг другу – и ты его лишишься.

Будь вежлив со всеми; общителен – со многими; фамильярен – с немногими.

Когда доверяешь другу, говоришь ему об ошибках, которые совершил ты; когда веришь – об ошибках, совершенных им.

Плохой друг сродни тени: он появляется, только когда светит солнце

Еда

Девять человек из десяти – самоубийцы.

Ешьте, чтобы жить, а не живите, чтобы есть.

Хочешь дольше жить – меньше ешь.

Ешь, чтобы порадовать себя; одевайся, чтобы порадовать других.

Редко ужинай, чтобы часто не принимать лекарство.

Полный желудок – пустая голова.

От голода умирают единицы, от еды – сотни тысяч.

Тот, кто мало ест, много работает.

Голод – лучшая приправа.

Если ешь три раза в день – живешь впроголодь.

Женщины

Непокорная дочь будет сварливой женой.

Рвешь розы – побойся острых шипов;
Взял в жены красотку – ветвистых рогов.
Муж и жена. Предсмертный миг:
У мужа молкнет сердце, у жены – язык.

Жена от мужа все скрывает:
Что знает мир, того болван не знает,
Не ведает секретов он жены –
Зато приличья все соблюдены.

Девицы, верьте мне, вам всем совет дам годный:
Ваш самый главный шанс – в невинности природной.

Жизнь и смерть

Если не хочешь, чтобы тебя забыли, как только закопают, пиши то, что стоит читать, и делай то, о чем стоит писать.

Пожелай сам себе не долгой жизни, а хорошей.

Хочешь жить долго – живи хорошо; глупость и порочность сокращают наши дни.

Долгая жизнь может оказаться недостаточно хорошей, хорошая – недолгой.

Смерть взяток не берет.

Не бойся смерти, ибо чем быстрее мы умрем, тем дольше будем бессмертными.

Звери

Многие лисы седеют – но не все хорошеют.

Шкуру волк меняет раз в год, нрав – никогда.

Тот, кто ложится с собаками, встает с блохами.

Спящая лиса кур не ловит. Давай просыпайся!

Знание

Тим был так учен, что мог назвать лошадь на девяти языках. И так глуп, что оседлал корову.

К чему знать имена вещей, если не знаешь их сути.

Ученый дурак пишет вздор лучшим языком, чем неученый; вздор, однако ж, остается вздором.

Знания, которыми мы пользуемся, по большей части не приносят пользы.

Ученый дурак глупей неученого.

Нежелание учиться хуже невежества.

Ученый дуралей – что в почве жирной злак:
Посадишь хлеб, а вырастет сорняк.

Гений без образования – что непросеянный золотой песок.

Искусство беседы

Искусство беседы состоит более в том, чтобы открыть его у других, чем продемонстрировать самому. Тот, кто, поговорив с вами, остался доволен своими остроумием и изобретательностью, с удовольствием возобновит разговор. Люди склонны скорее угождать вам, чем восхищаться вами, и хотят, чтобы их не столько поучали и развлекали, сколько хвалили, – вот

почему угодить собеседнику, вне всяких сомнений, особое, ни с чем не сравнимое удовольствие.

Искусство беседы, направленное на то, чтобы без зазрения совести порицать собеседника, издеваться над его словами и чувствами, – совершеннейшая глупость, ибо цель беседы вовсе не в этом. Тот, кто злоупотребляет этим искусством, не становится лучше сам, не делает лучше других и не способен никому угодить.

Когда говоришь с человеком, смотри ему в глаза; когда он говорит с тобой, смотри ему в рот.

Любезность – признак коварства.

Лень

Вставай, лежебока, не трать жизнь понапрасну – в могиле належишься.

О ленивец! Неужто ты думаешь, что Господь дал бы тебе руки и ноги, если б не хотел, чтобы ты ими пользовался?

Тот, кто поздно встает, должен погонять лошадь весь день, но ему и к ночи не догнать дела своего.

Лень еле ноги переставляет, и бедности настичь ее ничего не стоит.

Праздность – мертвое море, в коем тонут все добродетели; берись за дело засучив рукава – и искушение минует тебя. Сидящая птица – удобная мишень.

Есть не только ленивые тела, но и ленивые души.

Праздность и лень – вещи разные.

Все несчастья от праздности; тяжкий труд от легкомыслия.

Не бывает досуга, который нельзя было бы использовать с толком.

Любовь

Тот, кто влюбляется в самого себя, соперников иметь не будет.

Любовь что зубная боль: врачевать ее можно по-разному, но вылечиться от нее раз и навсегда невозможно.

Нельзя спрятать три вещи: любовь, кашель и дым.

Хочешь, чтобы тебя любили? Люби сам.

Любовь и власть любят путешествовать в одиночку.

Надежда

Надежда и красная тряпка – приманки для человека и скумбрии.

Отрежь крылья курам и надеждам – чтобы и те и другие попусту не хлопотали.

Обида

Обидное поучительно.

Обман

Самообман – самая простая вещь на свете.

Кто обманывал тебя чаще, чем ты сам?

Доверяй сам себе – и никто тебя не обманет.

Ошибки

Люби своих врагов – они расскажут тебе о твоих ошибках.

Прощай ближнему незначительные ошибки; помни, у тебя есть ошибки серьезнее.

Как же мало людей, которым хватает смелости признать свою ошибку, тем более – ее исправить!

Ошибается человек; кается святой; упрямится дьявол.

Не исправишь мелкую ошибку – совершишь непростительную.

Мы тратим больше сил и времени на то, чтобы скрыть ошибку, а не исправить ее.

Тот, кто преисполнен решимости исправиться в будущем, не намерен исправляться сейчас.

Пороки

Порок знает, что уродлив. Оттого и носит маску.

У других ищи добродетели, у себя – пороки.

Коли за год искоренишь порок,
Из худшего пребудешь лучшим – дай-то срок!

Пусть же твои пороки умрут раньше тебя!

Должать еще хуже, чем лгать.

Берегись искуса – и Бог убережет тебя от греха.

Грех плох не потому, что запрещен, а запрещен, потому что плох.

Кто сильнее всех? Тот, кто берет верх над своими дурными привычками.

Когда настаиваешь на своей правоте, часто бываешь не прав.

Сначала вымой палец, а уж потом показывай на грязные пятна на моем сюртуке.

Пьянство

Тот, кто проливает ром, – лишается лишь рома; тот же, кто его пьет, теряет и ром, и себя!

С приходом вина уходит истина.

Тот, кто быстро пьет, медленно платит.

Пьянство – зло, ты мне поверь:
Пьяный – олух, бес и зверь.

Дураку все пить да спать;
Умный склонен размышлять.

Работа

Храни свою лавку – и лавка сохранит тебя.

Без труда не бывать славе.

Чем больше ключу лет, тем ярче он блестит.

Усердие платит долги, отчаянье их умножает.

Усердию все легко,
Лени – тяжело.

День за днем бит –
И дуб не устоит.

Займись делом – а не то дело займется тобой.

У человека занятого праздных гостей не бывает: на кипящий котел мухи не слетаются.

Хочешь иметь хорошего слугу? Служи себе сам.

Трудись, словно собираешься прожить сто лет;
Молись, словно смерть придет завтра.

Разум

Когда разум читает тебе проповедь, а ты его не слушаешь, он надерет тебе уши.

Раз люди всякий раз спорят о вещах, доступных разуму, могут ли они договориться о том, что разуму не подвластно?

Религия

О Боге любят поспорить те, кто от Него далек.

Иные имеют наглость стоять в церкви в шляпе – однако разграбить алтарь не решаются.

Как много людей отмечает христианские праздники! И как мало следуют они учению Христа!

Молиться Богу куда проще, чем соблюдать заповеди.

Служить Богу – значит делать добро человеку. Мы же предпочитаем не служить Ему, а молиться, ведь это куда проще.

Хороший пример – лучшая проповедь.

Религиозные секты подобны часам: все говорят примерно одно и то же, однако полностью не совпадают никогда.

Репутация

Стекло, фарфор и репутацию легко разбить – и нелегко склеить.

Рану можно залечить; репутацию – никогда.

Сегодня и завтра

Завтра все ошибки забудутся – вот только это завтра никогда не наступит.

Если есть дела на завтра, сделай их сегодня.

Одно «сегодня» стоит двух «завтра».

Тот, кто рассчитывает на судьбу, может остаться без обеда.

«Исправлюсь завтра», – скажет дуралей;
«Исправился вчера» – тот, кто тебя умней.

Смелость

Хочешь поймать рыбу – рискни наживкой.

Мир полон дураков и трусов, и вместе с тем всем нам достанет ума и смелости заниматься делами соседа.

Вот она, смелость! Поймала несуществующего льва и сбежала от сидевшей в углу мыши.

Смелость лезет в драку, а осмотрительность ее не пускает.

Совесть

Совесть нечиста?
Значит, страх неспроста.

Если нанесешь рану совести, она тебе рано или поздно отомстит.

Пусть же не искушают тебя удовольствия, не влечет прибыль, не изъедает тщеславие; не следуй дурному примеру, не поддавайся на уговоры, не делай ничего дурного. И тогда ты всегда будешь жить счастливо, ибо чистая совесть – вечное Рождество.

Советы

Хочешь сделать – иди сам; не хочешь – пошли другого.

Не говори все, что знаешь, не суди обо всем, что видишь, – и ты проживешь жизнь мирную и спокойную.

На лошади верхом – крепче держись.
На человеке верхом – крепче держи.

Наблюдай за всеми; за собой – в первую очередь.

Сердишься на других? Помни, одному тебе не прожить.

Думай о трех вещах: откуда ты, куда идешь и перед кем держишь ответ.

Хочешь не тужить – старайся себе не угодить.

Талантов не скрывай, нужны тебе они:
К чему быть солнечным часам в тени?

Плати по долгам –
А цену себе знаешь сам.

Если у тебя голова из воска, не стой на солнце.

Объяви войну своим порокам, заключи мир со своими соседями – и каждый год ты будешь все лучше и лучше.

Мы можем дать совет, но не можем вести себя в соответствии с ним.

Пусть все тебя знают, но пусть никто не знает тебя слишком хорошо: когда люди видят, что речка мелководная, они тут же строят переправу.

Не перегружай благодарность – не то взбрыкнет!

Хвали и ругай поменьше: ругатели и хвалители стоят друг друга.

Хочешь взрастить похвалу – посевай добрые слова и хорошие дела.

Хочешь жить в мире с собой, а потом попасть в рай –
Никому не доверяй,
Пари не заключай,
Не спорь, в долг не давай.

Когда пробуешь мед – помни про белену.

Не верь тому, кому нравится все, что ты говоришь.

Не суди о богатстве человека или о его богобоязненности по его воскресному платью.

Обиды записывай на песке, благодеяния выбивай в мраморе.

Будь хорош с другими – и ты будешь хорош с самим собой.

Действуй напрямую и презирай клевету: грязь пристаёт к грязной стене, но не к мраморной.

Не бросай камни в дом соседа, если в твоём доме окна из стекла.

Страсть

Человек, поддавшийся страсти, едет верхом на необъезженной лошади.

Если в карету запряжена страсть, пусть лошадьми управляет разум.

Тот, кто владеет своими страстями, – хозяин; тот же, кто им служит, – раб.

Конец страсти – начало раскаяния.

Тот, кто не способен справиться со страстями других, не может совладать и со своими собственными.

То, что начинается порывом гнева, кончается стыдом.

Страх

Тех, кого боятся, – ненавидят.

Бойся дурно поступать – и тебе не придется бояться ничего другого.

Бойся Бога – и враги твои убоятся тебя.

Вчерашнее в уме держи, сегодня веселись,
А смерть придет, будь к ней готов, злодейки не страшись.

Счастье и несчастье

Тот, кто жалуется, имеет слишком много.

Радость жизни – философский камень: все, к чему он прикасается, становится золотом.

Тому, кто доволен жизнью, большего не надо. Свои печали держи в секрете.

Лучше довольствоваться малым, чем иметь много и быть недовольным.

Счастливый нрав делает бедных богатыми; несчастливый – богатых бедными.

Один и беден, да богат,
Другой богат, да беден.

Если б осуществлялась хотя бы половина наших желаний, наших несчастий стало бы вдвое больше.

Больше всего сил и хлопот уходит у нас на то, чтобы стать несчастными.

У того, кому не о чем беспокоиться сегодня, найдутся поводы для беспокойства завтра.

Волнения душевные и телесные ни делами, ни постелью не излечишь.

Держи свои несчастья в секрете: если мир про них узнает, он станет тебя презирать и их преумножит.

Терпение

Тот, кто имеет терпение, может иметь все, что захочет.

Терпением и трудом мышь перегрызла корабельный канат.

Какой смысл в твоём терпении, если ты не можешь им воспользоваться, когда это необходимо?

Бывает легче справиться с первым желанием, чем удовлетворить все остальные.

Добросердечие без благоразумия – большое несчастье.

Удовольствие

Многие полагают, что покупают удовольствие, тогда как на самом деле продают ему себя в рабство.

Бог разрушает тело; удовольствия – разум.

Подкинь удовольствия в воздух – и они полетят следом за тобой.

Лён храни подальше от огня; молодых людей – от азартных игр...

Тот, кто доставляет удовольствие, получает его.

Ничто не приносит столько страданий, сколько удовольствие; ничто так не обременяет, как свобода.

Ум

Мудрого человека перемена в судьбе ранит не более, чем заход солнца.

Бывает, что жмуриться уместней, чем видеть.

Мудрому достанет смелости признать свою ошибку.

Тот, кто сносит упреки и на них учится, если и не мудрец, мудрецом станет.

Смелый и мудрый способны пожалеть и простить; трус и дурак не знают жалости.

Врата мудрости держи закрытыми.

Умный учится на чужих ошибках; дурак – на своих собственных.

Умный извлечет больше пользы из общения с врагами, чем глупец – из общения с друзьями.

Умному требуется лишь то, что достанется ему по справедливости, чем он воспользуется с толком и что с готовностью отдаст.

Кто умен? Тот, кто у всех учится.

Кто силен? Тот, кто управляет своими страстями.

Кто богат? Тот, кто всем доволен.

– Есть такие? Нет.

Слова – ум человека, его дела – он сам.

Здравый смысл – это то, что необходимо всем, чем обладают немногие и что никому не нужно.

Что нравится другим, тебе – позор и ложь;
Коль так, со временем ты к мудрости придешь.

Успех

В успехе не будь расточителен.

Успех погубил многих.

Нежданная власть опрометчива, нежданная свобода – беззаботна; умнее всего ведет себя тот, кто не торопится.

Теперь, когда у меня есть овца и корова, все желают мне доброго утра.

Кому не грозит невезение, грозит везение.

Человек

Благословен будет тот, кто ничего не ждет, ибо он никогда не будет разочарован.

Пренебрежение убивает обиду; месть ее распаляет.

Пребывать в уверенности вовсе не значит находиться в безопасности.

Кто вернее судит о человеке – его враги или он сам?

Людам свойственно приводить мнимые доводы вместо истинных.

Тот дурно воспитан, кто не переносит дурного воспитания у других.

Истинные черты человека никогда не бывают столь смехотворны, как те, что он выставляет напоказ.

Оценивай человека не за те качества, коими он кичится, а за те, коими обладает.

Тот, кто не умеет подчиняться, не способен и командовать.

Пусть первым уроком ребенку будет послушание; тогда второй может быть каким угодно.

Странное существо человек: одни ругают свой образ жизни, другие хвалят, третьим все равно.

Люди встречаются, горы – никогда.

Две сухих ветки сожгут одну зеленую.

Жестокость – часто милосердие; милосердие – жестокость.

Плохое приобретение – потеря.

Постная награда лучше жирного порицания.

Просить и иметь стоит недешево.

Хорошего ножа из плохой стали не выкуешь.

Чем хуже в телеге колесо, тем больше от него шума.

Когда колодец пуст, мы начинаем понимать цену воде.

Древние говорят нам, что самое лучшее; но только у современников выучимся мы тому, что самое нужное.

Тщеславие цветет, но не плодоносит.

Тот, кто учит себя сам, делает из своего учителя дурака.

У вздорного человека хороших соседей быть не может.

Честность

Честный человек не получит ни денег, ни похвалы, коих бы не заслуживал.

Обманывают и водят за нос дураки, которым не хватает ума быть честными.

Ложь стоит на одной ноге, истина – на двух.

Честный человек терпит невзгоды, а затем получает от жизни удовольствие; мошенник сначала получает удовольствие, а затем за него расплачивается.

Нелегко (но почетно) быть бедным и честным; пустой мешок вряд ли сможет стоять прямо, но уж коли стоит – значит, крепок.

Полуправда – часто двойная ложь.

Угрызение совести за содеянное есть правда о содеянном.

Мудрость в том, чтобы не искать правды; честность в том, чтобы не раскрывать ее.

Чтение

Читай много – но не много книг.

От чтения человек становится цельным, от раздумий – глубоким, от споров – разумным.

Язык мой – враг мой

Трое хранят секрет, если двое из них покойники.

Болтуну впору оглохнуть – к чему ему уши?

Научи сына держать язык за зубами – и он быстро научится говорить.

Пара хороших ушей заткнет сто языков.

Язык наш мягок, без костей –
Но нет тех розг, что бьют больней.

Нет меда в горшке – держи его во рту.

Лучше оступись, чем оговорись.

Если зол на язык – друзей не будет; в ложке меда мух ведь больше, чем в бочонке уксуса.

Язык Мэри обходится дешево: она трещит им только на чужой счет.

Молчание вовсе не всегда признак мудрости; болтовня же – глупость всегда.

Недоумки много болтают, но говорят мало.

Оратор: поток слов и капля разума.

У дурня сердце во рту; у умного рот в сердце.

Никто не обманывается так, как изливающий душу.

Коль разболтал дружкам секрет –
Былой свободы больше нет.

Словами не отомстишь – за слова отомстят.

Раз я не управляю собственным языком, как, скажите, управлять нам языками других?

Не хочешь выдать тайну врагу – не делись ею с другом.

Мисс Джорджиане Шипли по случаю безвременной кончины ее американской белки, каковая, сбежав из клетки, была съедена пастушьей собакой

Лондон, 26 сентября 1772

Дорогая мисс,

от всей души оплакиваю вместе с Вами безвременную кончину бедной Мунго. Немного найдется на свете белок, что обладали бы ее достоинствами, ибо Мунго была хорошо образованна, много путешествовала и знала жизнь. Коль скоро Мунго имела честь, благодаря своим многочисленным добродетелям, быть Вашей любимицей, она не может, подобно обычным белкам, отправиться в мир иной без элегии или эпитафии. Так давайте же посвятим ее светлой памяти эпитафию, написанную в том монументальном стиле, какой, не являясь ни прозой, ни стихами, вернее всего, быть может, выразит боль нашей утраты. И то сказать, проза, избери мы ее, означала бы отсутствие чувств; рифмованный стих выглядел бы излишне игривым и легкомысленным для сего печального случая.

ЭПИТАФИЯ

Увы, бедняжка Мунго!
Была б ты счастлива, когда бы знала,
Какое счастье выпало тебе.
Орла, тирана девственных лесов,
Его когтей и клюва
Тебе страшиться больше не придется.
От цепких лап, когтей орлиных,
От ствола, что сеет смерть,
Теперь равно ты далека.
Жила б ты и поныне, если б
Ты за решеткой замка своего
По-прежнему скрывалась.
Тебя б и впредь отборными блюдами
Кормили ручки нежные хозяйки.
Ты ж, поспешив, избрала путь свободы –
И напрасно!
На воле оказавшись, ты попала
Собаке хищной в лапы!
И теперь урок должны извлечь
И дочери и белки, что стремятся
Любой ценой свободу обрести.
Коли покой и изобилье в грош не ставишь –
Хотя бы осторожность соблюдай.

Теперь Вы видите, моя дорогая мисс, насколько уместнее и пристойнее сей белый стих, чем такое, например, зарифмованное двестишестидесятилетнее:

Спи, белочка, спокойно: здесь
Свирепым псам тебя не съесть.

И тем не менее найдутся, быть может, люди столь бесчувственные, что сочтут сие двустихие достойной эпитафией бедной Мунго.

Скажите хоть слово, мисс, и я добуду Вам другую белку взамен ушедшей из жизни Мунго; возможно, впрочем, Вы утешитесь как-нибудь иначе.

Передайте же мои самые нежные чувства всей Вашей замечательной семье.

Остаюсь Вашим преданным другом

Б. Франклин

Диалог между Франклином и его Подагрой

Полночь, 22 октября 1780

Франклин. Ох! Ох! Ох! Чем же я заслужил столь жестокое с собой обращение?

Подагра. Очень многим. Ты слишком обильно ел и пил, к тому же не давал труда своим ногам, поощрял их в безделье.

Франклин. Кто это меня обвиняет?

Подагра. Это я, я, твоя Подагра.

Франклин. Что?! Мой заклятый враг?

Подагра. Нет, я тебе не враг, вовсе нет.

Франклин. Как же не враг? Вы ведь не только хотите до смерти измучить меня, но и опозорить мое доброе имя. Вы обвиняете меня в обжорстве и пьянстве, тогда как все, кто меня знает, готовы поручиться, что я не грешу ни тем ни другим.

Подагра. Пусть они думают, что им угодно. Люди вообще имеют обыкновение много прощать себе, а порой – и своим друзьям. Но мне-то хорошо известно, что мясо и вино, потребные человеку, склонному к физическим упражнениям, не пойдут впрок тому, кто сидит на месте.

Франклин. Это я-то сижу на месте?! Я сколько могу – ох! – занимаюсь физическими упражнениями, уверяю вас, госпожа Подагра. Вы же знаете, что по долгу службы я вынужден много сидеть, а посему, госпожа Подагра, вы могли бы, мне кажется, немного облегчить мою участь – ведь моей вины в том, что я веду сидячий образ жизни, нет никакой.

Подагра. Облегчить твою участь? И не подумаю. Все твои мольбы, красивые слова и извинения тебе не помогут. Коль скоро ты принужден вести сидячий образ жизни, твои развлечения и забавы должны, по крайней мере, быть подвижными. Совершай прогулки, ездь верхом, а если помешает погода – играй на бильярде. Давай, однако, посмотрим, как строится твой день. Предположим, утро выдалось у тебя свободное и ты мог выйти на улицу – ты же, вместо того чтобы нагулять перед завтраком аппетит, садишься за книги, статьи и газеты, что, как правило, пустая трата времени. Это, впрочем, не мешает тебе откусывать неподобающе плотный завтрак: четыре чашки чая со сливками, а также два, а то и три тоста с ломтиками говядины, каковая, насколько мне известно, переваривается нелегко. Сразу после завтрака ты садишься за письменный стол или же беседуешь с джентльменами, пришедшими к тебе по делу. И так продолжается до часу дня, и ты не двигаешься с места. Впрочем, все это я бы тебе простила, учитывая твой, как ты выражаешься, сидячий образ жизни. Но что происходит после обеда? Ты прогуливаешься, как подобает человеку разумному, в прекрасном саду твоих друзей, с которыми ты только что отобедал? Ничуть не бывало. Не меньше двух-трех часов просиживаешь ты за шахматной доской. И это твой любимый досуг – для человека, ведущего сидячий образ жизни, крайне вредный, ибо таким образом ты не разгоняешь кровь, а сгущаешь ее. Погружаясь в размышления, связанные с этой гнусной игрой, ты, безо всяких сомнений, губишь свое здоровье. При таком времяпрепровождении ты бы наверняка стал жертвой многочисленных и опасных недугов, если бы я, твоя Подагра, не приносила тебе порой облегчение, возбуждая боль и тем самым отвлекая тебя от твоих болезней. Было бы еще простительно, если шахматной игре ты предавался бы в каком-нибудь парижском закоулке, где гулять негде, – но ведь ты часами переставляешь фигуры, живя в Пасси, Отейе, в Савоие или на Монмартре, местах, которые славятся своими превосходными парками, чистым воздухом, прекрасными женщинами и где ты мог бы гулять и вести поучительные беседы. И всего этого ты же сам себя лишаешь, отказываешь себе в стольких удовольствиях. И все ради чего? Ради этой ужасной игры! Фи, стыдитесь, мистер Франклин. Но я заговорила и совсем забыла, что должна была дать тебе важный практический совет: ну-ка потяни ногу, вот так, еще!

Франклин. О! О-о-о-о! Ох! Поучайте меня сколько угодно, госпожа Подагра, упрекайте во всех смертных грехах! Но умоляю, обойдитесь без ваших практических советов!

Подагра. Ну уж нет, я сделаю все, что в моих силах, чтобы тебе помочь, а потому...

Франклин. О! А-а-а!.. Вот вы говорите, что я совсем не двигаюсь, а ведь я очень часто обедаю не дома, сажусь в экипаж и возвращаюсь тоже в экипаже. Вы ко мне несправедливы.

Подагра. И ты называешь физическим упражнением сидение в экипаже и подпрыгивание на ухабах? Двигаешься-то не ты, а экипаж. Движение, как известно, повышает температуру тела; чем больше двигаешься, тем выше температура. Если зимой у тебя в начале прогулки мерзнут ноги, то через час ты почувствуешь, как они горят; сядь в седло, и ты испытаешь то же чувство, но лишь спустя четыре часа. Если же воспользуешься экипажем, то можешь трястись в нем хоть целый день, а ноги так и не согреются, и ты с нетерпением будешь ждать той минуты, когда можно будет выйти из экипажа и в ближайшей гостинице протянуть к огню остывшие ноги. А потому не льсти себя надеждой, что получасовая прогулка в карете является физическим упражнением. Возможностью ездить в экипажах судьба наградила немногих, тогда как пару ног предоставила всем, и наши ноги – орудие куда более удобное и надежное. Будь же за это благодарен судьбе и пользуйся ногами как можно больше... Посмотри-ка на свою прелестную знакомую в Отейе^[3]: щедрая природа преподала сей достойной даме науку не в пример более полезную, чем все твои книги, вместе взятые. Всякий раз, когда она устаивает тебя визитом, она приходит пешком. В любое время дня предпочитает она ходьбу экипажу, предоставляя своим лошадям стоять без движенья в стойле и страдать от болезней, порожденных праздностью. В этом кроется причина ее отменного здоровья и исключительной красоты. Ты же, направляясь в Отей, садишься в экипаж, хотя от Пасси до Отейя расстояние ничуть не больше, чем от Отейя до Пасси.

Франклин. Ваши резоны час от часу становятся все утомительнее.

Подагра. Что ж, принимаю твои слова к сведению. Впредь буду молчать и делать свое дело. Вот изволь!

Франклин. О! О-о-о-о-х! Умоляю, говорите!

Подагра. Нет уж. Я тебя ночью как следует подергаю, да и завтра утром тоже, будь спокоен!

Франклин. Боже, какая боль! Я сойду с ума. Ох! Ах! Чем я провинился?

Подагра. Спроси об этом у своих лошадей; они послужили тебе верой и правдой.

Франклин. Как вы жестоки! Я мучаюсь – а вам весело.

Подагра. Мне весело? Ничуть. Я и не думала веселиться. У меня здесь список твоих болезней, в коих виноват ты сам.

Франклин. Читайте же его!

Подагра. Он слишком длинен; назову лишь некоторые.

Франклин. Начинайте. Я весь внимание.

Подагра. Ты, надеюсь, помнишь, как часто ты давал себе обещание отправиться утром на прогулку в Булонский лес, или в Парк де ля Мюэтт, или в свой собственный сад, а потом это обещание нарушал? Сегодня слишком холодно, уговаривал себя ты, или, наоборот, слишком жарко, или ветрено, или сыро... Тогда как на самом деле ты попросту не хотел, как обычно, себя утруждать.

Франклин. Соглашусь: такое, пожалуй, бывало – но никак не более десяти раз в год.

Подагра. Боюсь, ты грессишь против истины; я насчитала не десять, а сто девяносто девять раз в год.

Франклин. Неужели это хоть сколько-нибудь соответствует действительности?

Подагра. Не сколько-нибудь, а в полной мере. Можешь мне поверить. Ты же хорошо знаешь парк мадам Брийон; какие там прекрасные прогулки, наверняка помнишь великолепную лестницу в сто ступеней, что сбегает с террасы на лужайку. Насколько мне известно, ты име-

ешь обыкновение наносить визиты этим чудесным людям два раза в неделю, после обеда, не правда ли? Не ты ли сам говорил, что «десять миль по дороге соответствуют одной миле, когда опускаешься или поднимаешься по лестнице»? У тебя тем самым была отличная возможность сначала прийти к ним пешком, а потом, войдя в парк, еще и подняться по лестнице. Скажи, и часто ты пользовался этой возможностью?

Франклин. Затрудняюсь ответить на этот вопрос.

Подагра. Тогда отвечу за тебя я. Ни разу.

Франклин. Ни разу?!

Подагра. Именно так. Летом ты отправлялся в Брийон в шесть вечера. Хозяйка дома, эта прелестная дама со своими очаровательными детьми и друзьями, с радостью прогулялась бы с тобой по аллеям парка, ублажая тебя вдобавок приятной беседой. А что же ты? Каков был твой выбор? А вот какой: сидеть на террасе, наслаждаться красотами парка, даже не помышляя о том, чтобы спуститься вниз и пройти по нему. Вместо прогулки ты просишь подать себе чаю и шахматную доску, и, о ужас, просиживаешь за ней вплоть до девяти вечера, и это при том, что после обеда ты уже играл в шахматы два часа кряду. А затем, хотя и мог бы отправиться домой пешком, что наверняка бы тебя несколько взбодрило, ты поднимаешься от шахматной доски и тут же садишься в экипаж. И еще надеешься, что сия беспечность не скажется на твоём здоровье! Нет, без моего вмешательства тут не обойтись.

Франклин. Теперь я, кажется, понимаю справедливость сказанных Бедняком Ричардом слов^[4]: «Наши долги и наши прегрешения всегда больше, чем мы предполагали».

Подагра. Совершенно верно. Ваши философы мудры в своих изречениях и глупы в поведении.

Франклин. Вы, стало быть, обвиняете меня в том, что от мадам Брийон я возвращаюсь в экипаже?

Подагра. Разумеется, ведь, просидев сиднем целый день, сослаться на усталость ты не вправе, а следовательно, мог бы легко обойтись и без экипажа.

Франклин. И что же, по-вашему, я должен сделать со своим экипажем?

Подагра. Сожги его, если хочешь, – тогда, по крайней мере, он даст тебе то тепло, какое не давал раньше. Или, если это предложение тебе не по душе, вот еще одно. Ты, должно быть, заметил, что среди бедных крестьян, что работают на виноградниках и в полях в окрестностях Пасси, в Отейе, в Шайо, есть несколько стариков и старух, согбенных и, быть может, даже покалеченных от бремени лет и непосильного труда. После тяжелого дня этим бедным людям приходится брести милую-другую, никак не меньше, до своих полуразвалившихся лачуг. Так вот, отдай распоряжение кучеру, чтобы тот их подвозил. Такое решение будет полезно для твоей души, если же ты вернешься от Брийонов пешком, то и для тела.

Франклин. Боже, как же вы несносны!

Подагра. Что ж, в таком случае за дело! Не забывай, я твой врач. Вот тебе!

Франклин. О-о-о! Вы не врач, вы сущий дьявол.

Подагра. Как же ты, однако, неблагодарен! Разве не я, будучи твоим врачом, спасла тебя от паралича, падучей и апоплексии?! Если б не я, один из этих недугов давно бы свел тебя в могилу.

Франклин. Признаю и благодарю вас за прошлое, но умоляю прекратить ваши визиты в будущем, ибо по мне уж лучше помереть, чем исцеляться столь мучительным образом. Позвольте и мне намекнуть, что и я питал к вам дружеские чувства. Я ведь никогда не напускал на вас врачей, не было ни одного знахаря, ни одного шарлатана, коего бы я нанял, дабы он избавил меня от вас. И уж коли после этого вы не оставляете меня в покое, значит, и вы тоже неблагодарны.

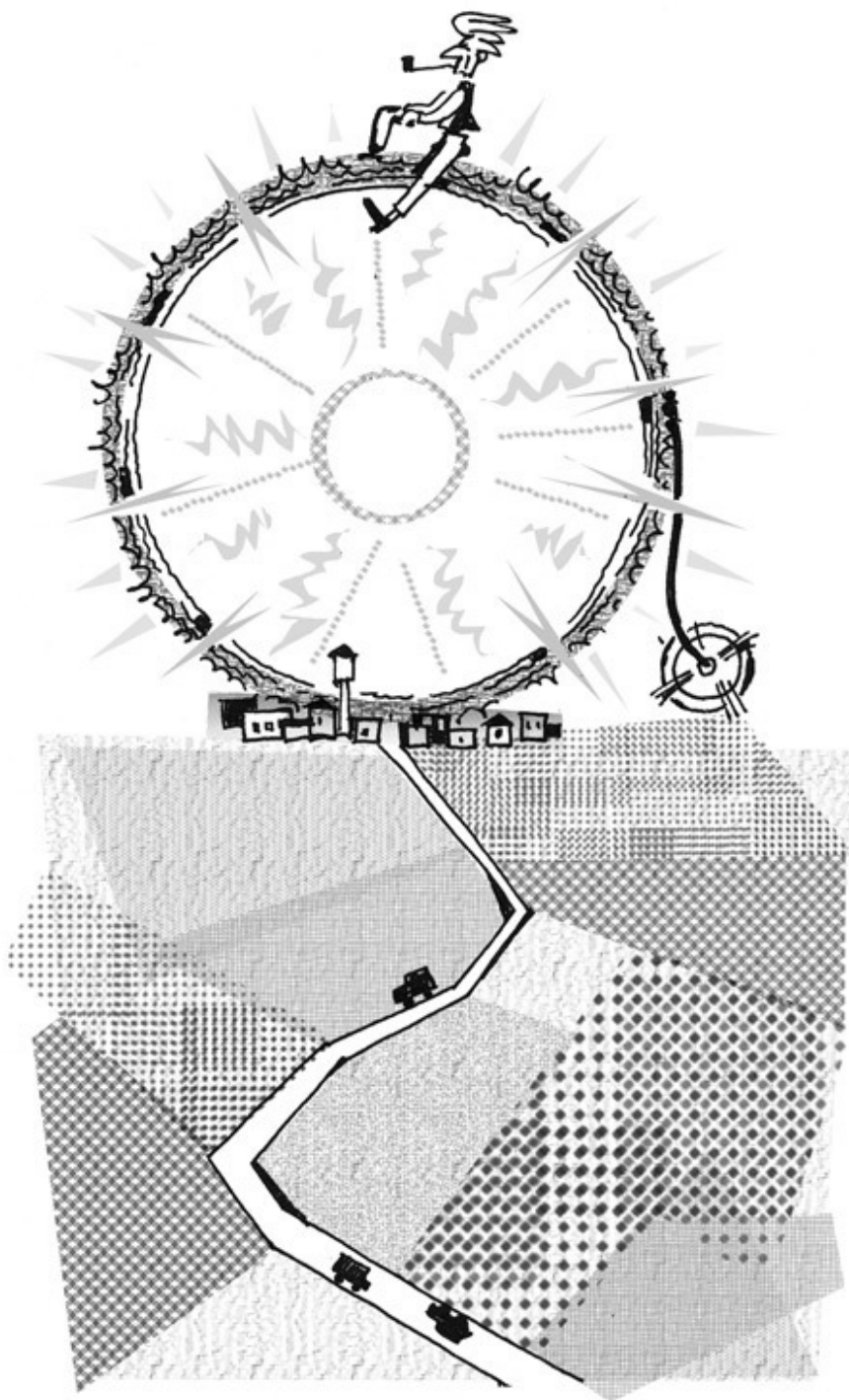
Подагра. Твои резоны я принимать отказываюсь. Что же до шарлатанов, то их я ненавижу всей душой: вот они-то тебя и в самом деле могли погубить – мне же не принесли бы никакого

вреда. Что же до истинных врачей, то они убеждены: у таких, как ты, подагра – никакая не болезнь, а, напротив того, – лекарство. А к чему избавляться от того, что исцеляет? Но – к делу. Вот!

Франклин. Ох! Ох! Ради всего святого оставьте меня, и я Богом клянусь, что никогда больше не стану играть в шахматы, есть буду умеренно и каждый день совершать длинные прогулки.

Подагра. Я тебя неплохо изучила. Обещать ты умеешь, но пройдет несколько месяцев, ты вернешься к своим прежним привычкам, и все твои благие намерения забудутся, как прошлогодний снег. Что ж, на сегодня будет с тебя. Я ухожу, но знай: я приду вновь, в нужное время и в нужное место, ибо я желаю тебе добра. Теперь, надеюсь, ты понял, кто твой истинный друг.

Марк Твен. Афоризмы

Адам

Адам был человеком – и этим все сказано. Он сорвал запретный плод не потому, что это был плод, а потому, что он был запрещен.

В Бостоне спрашивают: «Что он знает?», в Нью-Йорке: «Чего он стоит?», а в Филадельфии: «Кто были его родители?»

Банкир

Банкир – это человек, который одалживает вам зонтик, когда ярко светит солнце, и отбирает его, когда начинается дождь.

Богохульство

В некоторых, самых отчаянных, безвыходных обстоятельствах богохульство приносит облегчение, недоступное даже молитве...

Вода и вино

Мои книги – вода; книги гениев – вино, но ведь все пьют воду...

Воспитание

Воспитание решает все: персик ведь был когда-то горьким миндалем, а цветная капуста – самой обыкновенной кочанной. Но с высшим образованием.

Хорошее воспитание – это умение скрывать, как много мы думаем о себе и как мало о других.

Вульгарность

Нет большей вульгарности, чем чрезмерная утонченность.

Деньги

Деньги всегда были уважаемее добродетели.

Дружба

Чтобы нанести вам удар в самое сердце, нужен не только враг, но и друг: первый вас оклеветает, второй вам об этом сообщит.

Дурак

Отдадим должное дуракам. Если б не они – не видать нам успеха.

Жизнь и смерть

Все говорят: «Как тяжело умирать». Как будто легко жить.

Истина

Истина – это самое ценное, что у нас есть. Будем же с ней бережны.

Классика

Классика – это то, что все хотят прочесть и никто не читает.

Конгресс

Читатель, предположим, что ты идиот. Предположим также, что ты член Конгресса. Впрочем, я, кажется, повторяюсь.

Курение

Бросить курить ничего не стоит; я, во всяком случае, бросал множество раз.

Преимственность

Когда-то это был хороший отель, но ведь и я когда-то был хорошим мальчиком.

Пример

Ничто так не раздражает, как хороший пример.

Радость

Печаль сама о себе позаботится, а вот чтобы узнать истинную цену радости, должен быть человек, с которым можно радостью поделиться.

Размышления

Человек не должен предаваться размышлениям только в двух случаях: когда он не может себе этого позволить и когда может.

Распущенность

Распущенность порождает презрение. И детей.

Сатана

Мы не должны с благоговением относиться к Сатане, это было бы опрометчиво, но не признавать его одаренность мы не можем.

Свобода

В нашей стране мы имеем, милостью Божьей, три совершенно незаменимые вещи: свободу слова, свободу совести и – благоразумие не пользоваться ни тем ни другим.

Собака

Если вы подберете на улице голодную собаку и накормите ее, она вас не укусит. В этом и состоит разница между собакой и человеком.

Совесьть

Я уже много лет слежу за своей совестью и должен сказать, что хлопот с нею не оберешься...

Сомнение

Если сомневаешься – говори правду.

Старость

Трагедия старости не в том, что мы стары, а в том, что молоды другие...

Убийство

Если бы желание и возможность убивать всегда совпадали, кто бы из нас избежал виселицы.

Уважение

Когда о нас отзываются неуважительно, мы обижаемся, однако сами, в глубине души, редко себя уважаем.

Успех

В этой жизни необходимы лишь невежество и самоуверенность – и успех вам обеспечен.

Уют

Ничто так не способствует уюту, как яичница с ветчиной.

Щепетильность

Не будем излишне щепетильны. Лучше иметь старые, подержанные бриллианты, чем не иметь их вовсе.

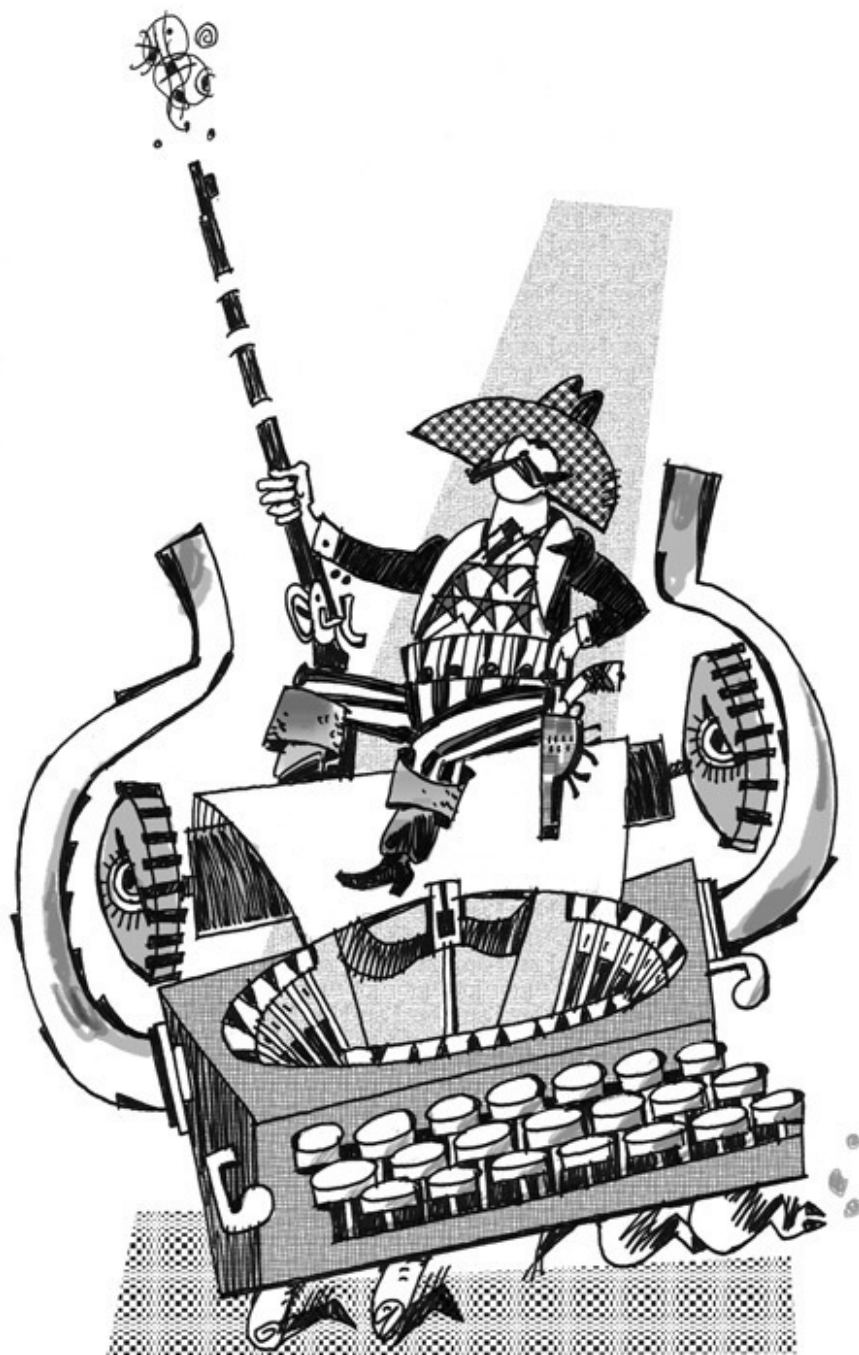
Экспромт

На подготовку экспромта уходит обычно не меньше трех недель.

Юмор

Все человеческое печально. Даже в основе юмора – не радость, а грусть.

Фрэнсис Брет Гарт. Том-а-Гавк

ГЛАВА I

Солнечный октябрьский день клонился к вечеру. Последние лучи заходящего солнца багровым маревом растекались в прозрачных водах лесного озера. Справа на горизонте, за

чередой широко расставленных могучих сосен раскинулись вигвамы индейского поселения; слева в тени каштанов затаилась грубо сколоченная хижина судьи Томпкинса, которая как нельзя лучше вписывалась в девственный ландшафт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Берлингтон – город в штате Вермонт, на восточном берегу озера Шамплейн.

2.

...несет шпагу лорд-мэра... – Речь идет о параде лорд-мэра лондонского Сити, пышной процессии в день его вступления в должность; парад происходит ежегодно во вторую субботу ноября.

3.

Посмотри-ка на свою прелестную знакомую в Отейе... – Имеется в виду жена французского философа Клода Адриана Гельвеция (1715–1771).

4.

...справедливость сказанных Бедняком Ричардом слов... – Отсылка к «Альманаху Бедняка Ричарда».